

Соотношение понятия сделки в гражданском праве и законодательстве о банкротстве

Научный руководитель – Османова Диана Османовна

Жданова Елена Николаевна

Студент (магистр)

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
Москва, Россия

E-mail: ejdanova@yandex.ru

В гражданском праве сделка понимается как волевое действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В этом значении она обслуживает частную автономию и обычный имущественный оборот. Однако в законодательстве о банкротстве тот же термин используется в специальном целевом значении: для суда значим не столько вид юридического факта, сколько его последствия для конкурсной массы и положения кредиторов. Уже п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве показывает, что в сфере конкурсного оспаривания речь идет не только о сделках в смысле ст. 153 ГК РФ, но и о действиях по исполнению обязательств, обязанностей и судебных актов. Это означает, что термин «сделка» в банкротстве фактически охватывает более широкий круг юридически значимого поведения должника [1; с. 35–40].

Такое расширение само по себе объяснимо. Как показывает Е.Д. Суворов, банкротство представляет собой специальный режим удовлетворения требований кредиторов, основанный на принципе их равенства, соблюдения очередности и пропорциональности удовлетворения требований; оспаривание сделок должника выступает одним из механизмов реализации этого принципа [4; с. 16, 21, 279, 339, 425]. Вместе с тем Д.О. Османова справедливо предупреждает, что процедура банкротства не должна превращаться в инструмент, позволяющий без достаточных оснований модифицировать базовые гражданско-правовые категории в интересах кредиторского сообщества [3; с. 158–161].

Но именно на этом фоне особенно заметен парадокс действующего регулирования: в доктрине сохраняются дискуссии, например, о сделочной или несделочной природе зачета, исполнения обязательства, актов подтверждения исполнения, корпоративных решений и даже учредительных документов, тогда как законодательство о банкротстве по существу сводит разнородные юридические явления в единый объект оспаривания, если они сходны по своему влиянию на конкурсную массу и положение кредиторов. Иными словами, там, где цивилистическое сообщество продолжает проводить тонкие разграничения, банкротное законодательство под общим заголовком «оспаривание сделок» объединяет собственно сделки, действия по исполнению, отдельные корпоративные акты и иные формы поведения должника. Т.П. Шишмарева, в свою очередь, фиксирует, что в доктрине высказывается и более жесткая позиция: понятие «сделка» в законодательстве о банкротстве следует понимать в гражданско-правовом смысле, а оспаривание действий по исполнению обязательства не должно подменять собой общую конструкцию сделки [5; с. 35, 43–45].

Именно здесь возникает основная проблема предмета конкурсного оспаривания. В.Ю. Калугин показывает, что на практике предпринимались попытки оспаривать не только договоры или односторонние сделки, но и выдачу справок и доверенностей, бухгалтерские проводки, согласие на распоряжение общим имуществом, а также бездействие; при этом ответчики закономерно возражали, что подобные юридические факты не являются сделками и потому не могут быть признаны недействительными [1; с. 35–40]. В то же время сам автор предлагает и пределы допустимого расширения: предмет конкурсного оспаривания

должны составлять лишь такие волевые действия, которые влекут правовые последствия и восстановление нарушенных прав кредиторов, тогда как бухгалтерские проводки, не направленные на порождение гражданско-правовых последствий, и бездействие не должны автоматически включаться в этот круг [1; с. 81–82]. Для бизнеса это означает серьезную проблему предсказуемости: в хозяйственном обороте термин «сделка» воспринимается в его обычном гражданско-правовом значении, тогда как в банкротстве под ним нередко скрывается иной, более широкий объект специального контроля [3; с. 158–161].

Сопоставление российского и немецкого регулирования показывает более последовательную законодательную технику разграничения сделки и юридически значимого действия. В немецком праве оспаривание в несостоятельности привязано не к категории *Geschäfte* (сделки), а к более широкой категории *Rechtshandlungen* (правовые действия). Именно так предмет оспаривания определен в § 129 *Insolvenzordnung* (Положения о несостоятельности). Аналогичный подход используется и вне процедуры несостоятельности в *Gesetz über die Anfechtung von Rechtshandlungen eines Schuldners außerhalb des Insolvenzverfahrens* (Законе об оспаривании правовых действий должника вне процедуры несостоятельности): уже § 1 этого акта также говорит о *Rechtshandlungen*, а не о сделках в узком гражданско-правовом смысле [5; с. 179, 185, 188] [6; § 129] [7; § 1]. Тем самым немецкий законодатель прямо разграничивает гражданско-правовую сделку и более широкий круг правовых действий, значимых для защиты кредиторов.

Представляется, что реформировать следует не ст. 153 ГК РФ, а специальное банкротное законодательство. Во-первых, целесообразно переименовать главу III.1 Закона о банкротстве в «Оспаривание сделок и иных юридически значимых действий должника». Во-вторых, в ст. 61.1 следует закрепить легальное разграничение между сделкой в гражданско-правовом смысле и оспоримым действием в банкротстве как волевым поведением должника или иного лица за его счет, которое непосредственно влияет на состав конкурсной массы, очередность или пропорциональность удовлетворения требований кредиторов. В-третьих, бездействие должно быть объектом оспаривания лишь в специально указанных законом случаях, когда на должнике лежала конкретная обязанность действовать для сохранения или возврата актива. Такой подход соответствует и выводам В.Ю. Калугина о необходимости четко очертить предмет конкурсного оспаривания, и предостережению Д.О. Османовой против неоправданного размывания базовых частноправовых категорий [1; с. 40, 81–82] [3; с. 158–161].

Смысл предлагаемого подхода состоит не в искусственном расширении общего понятия сделки и не в противопоставлении банкротного и гражданского права, а в более точном определении пределов применения специальных правил оспаривания в законодательстве о банкротстве. Для предпринимателя правовая определенность достигается не тогда, когда под словом «сделка» законодатель «прячет» практически любое значимое для банкротства поведение, а тогда, когда закон прямо объясняет, что именно является объектом специального конкурсного оспаривания и чем этот объект отличается от сделки в смысле гражданского права. Именно такое разграничение способно повысить предсказуемость хозяйственных решений и не допустить дальнейшего размывания базовых гражданско-правовых категорий [1; с. 40] [3; с. 158–161].

Источники и литература

- 1) Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024.
- 2) Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. Т. 2. М.: Статут, 2019

- 3) Османова Д.О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 144–161
- 4) Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022
- 5) Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018
- 6) Insolvenzordnung Insolvenzordnung (InsO): <http://www.gesetze-im-internet.de/inso/>
- 7) Gesetz über die Anfechtung von Rechtshandlungen eines Schuldners außerhalb des Insolvenzverfahrens (Anfechtungsgesetz) http://www.gesetze-im-internet.de/anfg_1999/